

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Л. Ю. Тугушева

О СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ТЕКСТОВ

Произведения словесного искусства предстают перед нами в форме текста как «требующая построения, информативно успешная последовательная связь между уже упомянутыми и еще не упомянутыми семантемами»¹. В тексте сведены воедино и упорядочены по некоторым заданным правилам комбинаторики элементы разных уровней нехудожественных и художественных структур, включенных в сложную систему внетекстовых связей. Для того чтобы текст мог функционировать успешно, необходимо не только соблюдение правил комбинаторики структур разных уровней, но и осведомленность участников коммуникации в пресуппозиций текста — некоторой области знаний, являющихся исходной основой, общей для отправителя и получателя. Выбор структуры текста определяется не только позицией адресанта, заинтересованного в том, чтобы довести до сведения аудитории (читателя) какой-то объем информации, но и позицией адресата, степенью его подготовленности к приему этой информации в определенной коммуникативной форме. Объем и характер извлекаемой из текста информации обусловлен правильностью выбора кода для дешифровки; успешная дешифровка текста предполагает знание правил комбинаторики не только на уровне естественного языка, но и на уровне языка словесного искусства, являющегося по отношению к естественному языку вторичной моделирующей системой². В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть функционирование некоторых элементов текста как элементов языка словесного искусства в раннесредневековой уйгурской литературе, условно называемой древнеуйгурской.

Раннесредневековая уйгурская литература государства Кочо складывалась в условиях столкновения разных религиозных на-

¹ P. Hartmann. Zur anthropologischen Fundierung der Sprache. — *Symbolae Linguisticae in honorem G. Kuryłowicz*. Warszawa, 1965, § 25.

² Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, с. 30.

правлений. Манихейство, получившее с 762 г. статус государственной религии, уступало свои позиции буддизму. Религиозные деятели и проповедники должны были искать действенные пути воздействия на массы; не последняя роль в этой борьбе была отведена словесному искусству. Необходимая информация доводилась до аудитории не только средствами доступного ей естественного языка, но и тем, что текст был организован по особым законам «как уникальный, *ad hoc* сконструированный знак особого содержания»³, как текст художественный. Естественный язык используется в этом случае лишь как средство, как материал, на основе которого создается особый «вторичный» язык искусства. Семантика знаков в художественном тексте не равна их семантике в качестве знаков естественного языка, и дешифровка художественного языка не приносит должных результатов, так как при этом вне поля зрения дешифровщика остается система значений, актуализируемая художественной структурой.

Раннесредневековые уйгурские тексты по их структурным свойствам делятся на два типа. Отличительной чертой одного из них является равномерность, функциональная однородность составляющих сегментов, неограниченность (неотмеченность начала и конца текста). К этому типу могут быть отнесены сочинения, составленные в качестве пособий для врачевания, гадания, а также календари и прочие сочинения подобного рода. Другой тип текстов отличается конструктивной неравномерностью, функциональной разнородностью составляющих сегментов, ограниченностью (отмеченностью начала и конца текста, нередко и отдельных разделов внутри текста). Ко второму типу относятся деловые документы, письма и преобладающие в количественном отношении сочинения, связанные с мифологией, религией, культом. С точки зрения структурной организации наибольший интерес представляют тексты второго типа, так как только среди них встречаются разновидности текстов, характеризующиеся как тексты художественные.

В произведениях раннесредневековой уйгурской литературы обращает на себя внимание «нарочитость» формы; внутритекстовые структурные отношения по большей части представлены в них в явном виде (в форме специальных литературных приемов). Материальность, выраженность структурных отношений в виде специальных приемов, по всей видимости, упрощала задачу выбора кода для дешифровки текста. Изложение ведется в строгом согласии с ритуалом. Сочинитель (переводчик) мог приступить к делу только во всеоружии бесчисленного множества ритуальных элементов, которыми он должен был владеть безусловно, так

³ Там же, с. 31.

как отступление от ритуала было бы воспринято как нарушение «соглашения» и безграмотность сочинителя.

Древнеуйгурская литература характеризуется высокой степенью разработанности системы литературных приемов. В ней нормализованы все уровни, начиная от графического облика отдельных лексических единиц до структуры больших разделов текста с их специфическими зачинами и концовками, сложной взаимосвязью элементов. Созданию такой системы должна была предшествовать скрупулезная работа не одного поколения словесников. Элементы ритуалов, как известно, могут перемещаться из одной культурной среды в другую; но в словесном искусстве, будучи перенесенными в иную языковую среду, они претерпевают изменения под давлением материала языка и в стихии нового языка воссоздаются в новом качестве.

Приемы, используемые в древнеуйгурском литературном языке, чаще всего текстуально выражены, поэтому их описание и подсчет не составляют большого труда. В уйгурской литературе раннего средневековья представлены разные виды аллитераций, анафор, рифм, параллелизма, тропов и т. п. Но констатация их наличия и даже подсчет относительной частоты употребления, как правило, не раскрывают своеобразия их функционирования и, следовательно, их роли как элементов семантического единства, называемого текстом. С точки зрения раскрытия семантики художественного текста установление роли литературных приемов как признаков, указывающих на структурные связи в тексте, не менее важно, чем установление общезыкового значения материала, из которого составлен текст.

Литературные приемы, используемые в раннесредневековой уйгурской литературе, не служат тому, чтобы представить наблюдаемое явление в его индивидуально-неповторимом виде. Сопоставим, к примеру, слова и выражения, в которых описываются жесты, обозначающие высокую степень почтения, в текстах, выполненных разными литераторами в отличной друг от друга стилистической манере:

1) t(ä)ñri t(ä)ñrisi burxan-tin bu yarlıγ-ıγ äsıdip biş yüz arxantlar olurmış orun-larında örü turup tiz-lärin çökıdip ay-a-ların qavşurup ... t(ä)ñri t(ä)ñrisi burxan-[qa] inča tip öđüg öđüntilär 'услышав эту речь бога богов Будды, пятьсот архатов поднялись со своих мест, преклонили колена, сложили ладони... и обратились к богу богов Будде с такими словами' (Insadi 553—560);

2) ötrü olurmış orunıntın örü turup oñ äñnin tonın birtin açınıp tizin çökıdip iligin qavşurup t(ä)ñri t(ä)ñrisi burxanqa inča tip ötüğ ötünti 'поднявшись со своего места, обнажив одно левое плечо, преклонив колена, сложив руки (ладони ?), обратился к богу богов Будде с такими словами' (ТТ VI 011—013);

3) ol t(ä)ŋri qızı ... ötrü orun-ıntin örü turup birtin sînar oŋ tizin çökutip ayasın qavşurup aŋır ayamaq-ın t(ä)ŋri t(ä)ŋrisi burhan-qa inča tip ötündi... 'эта богорожденная дева ... поднялась тогда со своего места, преклонила одно правое колено, сложила ладони и с великим почтением обратилась к богу богов Будде со следующими словами' (АУ 372₁₋₇).

В приведенных примерах для описания некоторых внетекстовых ситуаций используется один и тот же стереотип с незначительными отступлениями от шаблона. Использование разными литераторами единого трафарета для перевода однозначных фрагментов текста из разных сочинений с одного языка на другой говорит не только о высокой степени нормализации литературного языка. Вместо множества возможных вариантов перевода представлен один стереотип. Этот факт сам по себе свидетельствует о том, что в приведенных примерах имеет место не описание реальной ситуации, а некоторого идеализированного представления об этой ситуации. Между ситуацией и ее изображением располагается идеализированный знак этой ситуации — литературный штамп. Такого рода эстетическое мышление характерно для эпохи средневековья, и в ее основе лежит гносеологическая идея, согласно которой истина воспринимается как изначально данная и «познание осуществляется путем приравнивания частных явлений к общим категориям, которые мыслятся как первичные»⁴. Конструктивную роль в знании играет категория сходства⁵. Ничто из конкретных явлений непосредственного окружения не заслуживает внимания само по себе; предметом искусства что-либо может стать лишь постольку, поскольку оно служит подтверждением какой-либо изначально данной авторитетной идеи. Отсюда проистекает стремление отделить язык «высокой литературы» от бытовой речи. Стилистические нормы этого языка с его привычным набором ритуальных трафаретов служили напоминанием об отвлеченном содержании описываемых явлений и способствовали созданию условно-литературных образов, отстраненных от конкретной реальности. Этим же фактором определяется преобладание в раннесредневековой уйгурской литературе произведений неоригинальных. Интерес могли представить только авторитетные сочинения, переводу и пересказу которых отводится главное место в литературе. Заслуживало внимания то, что «доверено Скрижалям», «слово истины нужно было находить в книге»⁶. Общие мировоззренческие установки эпохи влияли также на формирование конкретных приемов литературы, в частности тропов (метафор, сравнений и т. п.). В уйгурской

⁴ Ю. М. Лотман. Структура художественного текста, с. 157.

⁵ М. Фуко. Слова и вещи. М., 1977, с. 61.

⁶ Там же, с. 86.

литературе рассматриваемого времени предмет или явление, произвольно выбранное из окружающей действительности, не может стать объектом для сравнения; таковыми могут выступать лишь особым образом отмеченные (имеющие знаковый смысл) явления окружающего мира. К числу таковых отнесены прежде всего некоторые фундаментальные явления природы (ветер, туман, небо, земля, гора, океан, река и т. п.) и явления, связанные с представлением о божественном. Ср.: *tüt[süg] tütüni-i bulitlayu yadilti* 'дым курительных свечей раскинулся подобно облаку' (СЦ VI 3б 5—7); *ol häglär bassän-ta körünč-či-lär bulit täg ärd[i]* 'толпа любителей, следовавших за этими беками, была подобна туче' (СЦ VI 16 4—5); *buši-lïḡ aqin ögüz-üg aqıdti-lar burxan qudi-lïḡ etiz sumir taḡ-iḡ yarı(d)dï-lar* 'по их воле потекли реки пожертвований и [из пожертвований] была образована достойная благодати Будды великая гора Сумеру' (Insadi 345—347); *ïduq äzrua ünin toyin-larıḡ oqır* 'окликнув служителей [монастыря] голосом, [подобным] священному голосу Брахмы' (Insadi, 266—267); *bu tiltaḡ-in yiti kün čedavan sānram-tä mün qataḡ-lïḡ qara yil-lär yiltirdi* 'по этой причине в монастыре Джетавана семь дней бушевали ветры злодеяния' (Insadi 334—336); *mün qadaḡ-lïḡ qar-a bulid* 'черная туча злодеяния' (Insadi 325—326); *ögrünč-lüg ögüz-läri yauqaldı* 'реки их радости всколыхнулись' (Insadi 391—392); *bušuḡ-luḡ bulid-ları ürdülti* 'тучи их скорби затанули [небо]' (Insadi 393—394). С точки зрения современных литературных норм такого рода сравнения и метафоры были бы восприняты как тривиальные. Но в соответствии с эстетическими нормами той эпохи эти сравнения воспринимались как раскрытие новых, еще неизведанных сторон некоторых изначальных явлений, как углубление в их сущность и, следовательно, как неожиданные, нетривиальные.

Одной из отличительных особенностей формы раннесредневековых уйгурских текстов является смешанный характер ритмической организации. Исследователи уйгурских текстов не оставили этот факт без внимания. Ш. Текин в предисловии к изданию IX и X глав сутры «Алтун ярук» пишет: «Внешняя форма сутр — нормальная проза, которая прерывается стихами. Стихи появляются там, где повествование должно быть особо подчеркнуто»⁷. В самом деле, в моменты, когда излагаемое событие (факт) с точки зрения повествователя достойно сопереживания (пафоса, восторга, презрения и т. д.), текст специальным образом структурно организуется. Идет ли речь о действиях Сюань-цзана, «преодолевшего снежные вершины и без-

⁷ Ш. Текин. Die Kapitel über die Bewußtseinslehren im uigurischen Goldglanzsūtra (IX. und X.). — Veröffentlichungen der Societas Uralo-altaica. 3. Wiesbaden, 1971, с. 16.

жизненные пустыни», о недостойном поведении отрицательных персонажей в «Инсади-сутре», о божественных деяниях и т. п., для достижения соответствующей реакции слушателей повествующий прибегает к помощи специальным образом упорядоченных языковых структур:

amtī kālip
 baryaga višay uluš-dīn ārtip
 kaviša višay ildin [a]šip
 kāz art-dīn kāčip
 [p]iamal arqu-dīn āvrilip ötdüm

‘теперь, вернувшись,
 я снова прошел через страну Барьяга,
 миновал страну Кавиша,
 преодолел хребты Кеца
 и ущелье Пиамала’
 (СЦ V 13a 14—18);

ot čümgän-lärig aça
 ou yer-lärig qaz-a
 mandal-larin bayu
 mahišv(a)rīy oqīyu
 az-rua t(ä)ñrig umä ödünü
 qasıyuc üz-ä yerig s(a)nça
 qarigīy-i üz-ä yerig yürtiz-qayı

‘кусты и травы раздвигая,
 ямы разрывая,
 завязав свои мандала,
 взывая к Махешвара,
 к Брахме с мольбой обращаясь,
 кирки в землю вонзали,
 лопатами землю рыли’ (Insadi 281—285);

saçtı us tatiyīy siyün-lar bärkintä:
 yarutdı nom ärdini-ig q(a)ra quş säñir-lig taγ-da

‘он рассыпал сладкую росу в Оленьем парке,
 засветил драгоценную жемчужину Мани на горе Коршуна’
 (СЦ V 10a 4—7)

Во всех трех приведенных отрывках текст помимо общеязыкового содержания приобретает некоторый дополнительный семантический компонент, который в записи на естественном языке звучал бы следующим образом:

1) его не могли остановить никакие препятствия; он шел к цели без колебаний и достиг ее;

2) брахманы — недостойные люди, и их поступки вызывают презрение;

3) ему удавалось совершать то, что простым смертным было недоступно.

Сопоставляя эти записи, нетрудно заметить, что они содержат общий семантический элемент — оценочное отношение

к текстуально излагаемой ситуации. Дополнительный семантический компонент, привносимый структурной организацией, имеет метатекстовое содержание; он выступает как бы комментарием к тому, что изложено в тексте на общезыковом уровне. Подобный способ передачи метатекстового содержания как нельзя более отвечал общей ориентации модели культуры того общества. В средневековой модели культуры точкой отсчета для оценки какого-либо явления служило представление об «идеальной норме истории человечества и поведения людей»⁸, но не личная позиция автора, которая в средневековом обществе не являлась социально значимой. Введение в текст прямых оценок по эстетическим нормам того времени могло быть воспринято как внесение в литературу элементов повседневности, как напоминание об индивидуальной точке зрения повествователя и, следовательно, нарушение этикета. Не стремлением к «украшательству» определялась разнородность в оформлении текста, а жесткими требованиями «литературного этикета», которые в конечном итоге обусловлены способом мировосприятия. Со-противопоставление структурно разнородных сегментов текста служит источником дополнительной семантизации текста.

К числу наиболее употребительных приемов, используемых для передачи метатекстового содержания, в уйгурской литературе раннего средневековья можно отнести параллелизм и повторы. В литературе уйгуров существуют стилистические разновидности речи, в которых параллельное оформление сегментов является едва ли не нормой. К таковым можно отнести, в частности, разновидность речи, которую условно можно было бы назвать речью ораторской, так как она особенно характерна для диспутов. Типическим образцом этой разновидности речи может служить, например, речь Алока-чинтамани, обращенная к Брахме, в сутре «Алтун ярук»:

q(a)lti suv iĉindäki ay t(ä)ri bodi yoriq-ta yorimış täg
 mänin bodi yoriq-ta yorımaq-im anĉulayu oq ärür: :
 q(a)lti tüşämiş tül bodi yoriq-ta yorimış täg
 mänin bodi yoriq-da yorımaq-im anĉulayu oq ärür: :
 q(a)lti say-taqı saqıy bodi yoriq-ta yorim-(im)ış täg
 mänin bodi yoriq-ta yorımaq-im y(i)mä anĉulayu oq ärür: :
 q(a)lti qisil yaŋqu-si bodi yoriq-ta yorimış täg
 mänin bodi yoriq-ta yorımaq-im y(i)mä anĉulayu oq ärür

‘Подобно тому как луна, [отраженная] в воде, идет по пути прозрения, таков и мой путь прозрения;
 подобно тому как приснившийся сон идет по пути прозрения, таков и мой путь прозрения;
 подобно тому как мираж в пустыне идет по пути прозрения, таков и мой путь прозрения;

⁸ Ю. М. Лотман. Структура художественного текста, с. 323.

подобно тому как эхо ущелий идет по пути прозрения,
таков и мой путь прозрения' (AY 382₁₋₁₂).

В сутре «Säkiz yükmäk» речь бодхисаттвы Асанга состоит из тринадцати параллельных звеньев, построенных по единой схеме: *bilgä az biligsizlär üküš tägrim üč ärdinikä tapïçï tïnliylar az yäkkä içkäkä qamqa tapïçï tïnliylar üküš tägrim. . .* 'Мудрых (имеющих знания) — мало, невежественных — много, господин мой; поклоняющихся трем сокровищам — мало, почитающих демонов и чародеев — мною, господин мой. . .' (ТТ VI 016—018) и т. д.

Такого рода речевые построения с равномерно повторяющимися звеньями, которые семантически варьируются путем смены лексем на определенных участках этих звеньев, позволяют выразить идею в гиперболизированной форме. Со-противопоставление сменяющихся лексем, обусловленное идентичностью их позиций в параллельных конструкциях, способствует выделению в них черт общности и различия и возникновению архисемы, семантический вес которой возрастает пропорционально числу повторяющихся звеньев построения. Конструкции этого типа заключают в себе метатекстовое значение, которое состоит отчасти в гиперболизации архисемы.

В зависимости от замысла повествователя элементы текста разных уровней могут быть включены в сложную систему внутритекстовых оппозиций. Например, фрагмент текста из «Инсади-сутры», составляющий некоторое смысловое единство, по структурной организации может быть расчленен на метамерические части (строки):

- (1) *ud törösin tudup mönjörgüçi-lär*
- (2) *it törösin tudup ulïyuçi-lar*
- (3) *çar saçliğ çökä*
- (4) *uvudïn avyatïn içgïnmış*
- (5) *ösüdin azun-in unïdmış*
- (6) *qalïn braman-lar*

'Наподобие коров мычащие,
наподобие собак воющие,
со связанными узлом космами (= скр. *jatä*) *çökä* (?),
отбросившие стеснение и стыд,
забывшие о своей душе и о своем рождении
неотесанные брахманы' (Insadi 269—274).

Первые две строки этого фрагмента текста отмечены полным морфо-синтаксическим параллелизмом, на фоне которого особо подчеркнута несовпадение лексических элементов *ud // it*, *mönjör- // ulï-*, вносящее дополнительный семантический элемент наращивания эффекта, вызванного первой строкой. Параллельные по конструкции строки 4 и 5 также построены по принципу морфо-синтаксического параллелизма с различающимися лексическими

элементами, но имеют в отличие от строк 1 и 2 иной ритмический рисунок, подчеркивающий самостоятельность, независимость заключенной в них идеи. Строки 3 и 6, разделяющие эти две самостоятельные части высказывания, не имеют видимых признаков нарочитости в организации и противопоставлены структурно-организованным частям высказывания, подчеркивая их окказиональное содержание. Элементы, занимающие идентичные синтаксические позиции в параллельных конструкциях, со-противопоставлены друг другу. На пересечении полей значений со-противопоставленных единиц возникает общее семантическое ядро. Общности семантических признаков со-противопоставленных единиц нередко сопутствует частичный параллелизм и на фонологическом уровне. Ср.:

ayaz-ta yulduz körü
 yağiz-ta yer idişqayı
 'озирая звезды на ясном небе,
 обняв почву на бурой земле'
 (Insadi 244—245).

Противопоставленные позиционно лексические единицы ayaz // yağiz и yulduz // yer характеризуются общностью фонем а, у, z — в первой паре и фонемы у — во второй. Морфо-синтаксический и частичный фонологический параллелизм служат здесь основанием для сопоставления и выделения общего для них семантического элемента, сводимого к понятию «все пространство универсума данной поэтической структуры». Тот же прием использован в конструкции: isig üz-ä ağı-qır // öñz-in üz-ä adaqır 'обезжизненная зноем, подверженная козням злых духов' (СЦ V 146 26—27), в которой соотнесенные позиционно лексические единицы ağı-qır // adaqır объединены общностью фонем а, q. Таким образом достигается необычная для естественной речи семантическая активизация лексики.

Сигналами того, что текст является особым образом организованной художественной структурой в раннесредневековой уйгурской литературе, служат также анафорическая аллитерация и рифма, которые часто сопутствуют ритмическому и синтаксическому параллелизму:

keä bolıu-sın baq-a
 kişi adaqı amrılıu-sın küdä
 ot ar-a yaşa
 oy yer-lär-tä bükä
 olurdi-lar
 'ожидая, когда наступит вечер,
 выжидая, когда затихнут шаги,
 прячась среди кустов,
 пригнувшись в ямах,
 они сидели' (Insadi 212—214)

Анафорические повторы и рифма, являясь внешне сходными проявлениями эвфонии, функционально не тождественны. Функциональное различие их между собой проявляется, в частности, в том, что начальная аллитерация выступает общим элементом синтаксически параллельных сегментов текста, как бы фиксируя границы их сочленения: рифма же служит объединяющим элементом некоторой единицы текста. В вышеприведенном отрывке из четырех звеньев смежная анафорическая аллитерация в структурном плане дополняется перекрестными рифмами. Еще более отчетливо особенность каждой из них проявляется в цитирувавшемся выше фрагменте текста:

- (1) ot cümgän-lärig aça
- (2) oy yer-lärig qaz-a
- (3) mandal-ların bayu
- (4) mahışv(a)rıγ oqıyu
- (5) äzrua t(ä)nrıg ymä ödünü
- (6) qasıuq üz-ä yerıg s(a)nça
- (7) qarırıγ-ı üz-ä yerıg yırtızqayu.

В этом фрагменте стандартная форма анафорической аллитерации сочетается со смежными рифмами, причем рифма шестой строки перекликается с рифмами первых двух строк, рифма седьмой строки — с рифмами третьей и четвертой строк. Пятая строка, обособленная ритмически, не имеет каких-либо видимых признаков организации и, будучи противопоставлена всему фрагменту, подчеркивает его организацию.

Различие функций анафорической аллитерации и рифмы не всегда проявляется столь очевидно. Нередко они сочетаются, охватывая сегменты метамерического ряда с двух сторон и образуя своего рода рамку, благодаря которой особенно явственно проступают единство и со-противопоставленность сегментов и сходство и несходство внутрисегментных элементов:

tört tavıp yirdinü-nün körki.
tüdrüm tärin taluy ögüz-nün türki.
tört-tin sinar-qı tay-lar-nın börki:
tüz yaγız yir üztäñiniγ örki

- 'он — краса четырех dvıpa-миров,
он — мощь глубоких вод океанов,
он — крыша (букв. шапка) гор
четырёх направлений света,
он — высочайшее из [всего, что есть]
на ровной бурой земле' (Erntesegen, с. 113₁₈₋₂₁);

qılmış işi qıyıq
qılıqı kändü sıyuq
qıqırıp qaçar qırıq
qırdışı askı çaruq

‘совершаемые им поступки — кривы,
его нрав — ломаный,
[при виде его] с воплями убежит [и] разбойник,
вид его подобен старым чарыкам’
(Erntesegeṅ, с. 116₁₃₁₋₁₃₂).

Своеобразный тип повторов являют собой общие места. Они используются в виде готовых клише (ср.: *üsdünki tägrī-lär ögirdi-lär altınqı yalañuq-lar sävindi-lär* ‘божества наверху возрадовались, люди внизу возликовали’ — *Insadi 574—575*) в различных текстах, объединенных по языковому и жанровому признаку. Их отличие от других видов повторов состоит в том, что сфера со-противопоставления в этом случае не ограничивается пределами одного текста, но включает в себя и другие тексты данного комплекса, знания о которых, как подразумевается, хранятся в памяти аудитории. В прочих отношениях общие места функционируют аналогично другим видам повторов, общим свойством которых является активизация семантики включенных в структуру текста языковых единиц.

Особого рода метатекстовая семантика может быть выражена также с помощью:

1) разного рода инверсий: *körüp ämgäklig ört içintä küy-ä ördänü turur-ların* ‘видя, что они горят на огне страданий’ (*Insadi 63*); *ol yirdä [taŋ]lančıγ tatiγliγ šäkär qamiš [öntli inča q(a)lti sūt täg* ‘на этом месте вырос удивительный сахарный тростник, сладкий, как молоко’ (СЦ V 7a 14—15); *ay-i taŋlattı ay bo braman-lar* ‘ну и удивили же эти брахманы’ (*Insadi 44*); *m(ä)n kuintso bardım burhan toymıs kidin änätkäk ilinä* ‘я, Сюань-цзан, пошел на запад в страну Индию, где родился Будда’ (СЦ V 12a 19—20); *yalvardi-lar il [orn]-inä olurdaçı idi ava bulalim tip* ‘они молили и просили о том, [чтобы] найти правителя, достойного воссесть на трон’ (СЦ V 6б 22—24); *bitig tägip bilti [. . .] samtso ađari biz-inä yaγımıš tip* ‘пришло письмо, и он узнал, что наставник в Трипитаке приближается к ним’ (СЦ V 15б 2—4);

2) некоторых морфо-синтаксических показателей, как, например:

а) сочетание акцентуруемого элемента с условной формой глагола *är-* ‘быть’: *abiš-ik täginmäyüik ärsär darni-či tigäli bolmaz* ‘тот, кто не постиг абхишека, не может называться познавшим дхарани’ (*Mañjuśrī 124*); *m(ä)n bu güγ xu-a küj atl(i)[γ] säŋrämkä kältim ärsär: uγayı taupažaki nomuγ t(a)γγaç tilinčä ävirgü üčün kältim* ‘если я и прибыл в монастырь Юхуагун, то лишь для того, чтобы перевести на табгачский язык сутру Махапраджня-парамита’ (СЦ X 445—449); *män ärsär toyin-lar-a braman ärür-män nirvan bulmıš* ‘я же, о монахи, брахман, обретший нирвану’ (*Insadi 48*);

б) повтор одного и того же морфологического показателя при разных элементах конструкции: *biz aḡiḡ-biz biz dindar-biz t(ä)ḡri auyin tükäti iṣl-äyür-biz* 'мы святые, мы монахи; заветы всевышнего мы выполняем неукоснительно' (ТТ II 2—3). Конструкции 1 и 2 объединены общим признаком: они являются коммуникативными вариантами какой-либо (основной) структурной схемы, отличающимися от нее характером выраженной в них актуальной информации, особым образом расставленной акцентуацией. Но с точки зрения надфразового синтаксиса они являются нормированными, типовыми.

Наряду с вышеперечисленными в раннесредневековой уйгурской литературе существуют также приемы организации текста, которые не соотносятся непосредственно с содержательной стороной текста, а служат связующими элементами между звеньями надфразового синтаксиса. Они являются носителями некоторого метатекстового содержания, но это содержание не нацелено на то, чтобы регулировать отношение слушателя к содержанию текста, а связано с представлением о его характере. К такого рода приемам могут быть отнесены разные типы зачинов и концовок, риторические вопросы и некоторые другие виды стереотипных оборотов. Эти виды трафаретных выражений служат своего рода сигналом о том, какого рода текст за ними следует. Например, вступление к письму строится по тому или иному образцу в зависимости от того, последует ли за ним частное послание, сообщение или официальное распоряжение. Ср.: *aḡiḡ ayamaḡ-in äsängüläyü üküṣ köñül ayitu idurbiz* 'мы посылаем Вам приветствие, выражая свое почтение и осведомляясь многократно о Вашем самочувствии' (СЦ VII 1824—1826); *toyin kuintso savim* 'слово мое — монаха Сюань-цзана' (СЦ V 116 22—23); *el ögäsi bilgä bäg bitigim(i)z arslan taḡ tutuq-qa biz-in sav inča bilgil* 'наше, правителя страны Бильге-бека, послание Арслану Таг-тутуку. Наше слово таково, знай!' (Ярлыки, с. 249). В риторическом вопросе содержится некоторая информация о содержании последующего фрагмента текста, рассчитанная на активизацию внимания слушателя (читателя), так как за риторическим вопросом, как правило, следует сентенция, легенда или какая-либо иная особо значимая часть текста. В этом плане риторический вопрос функционально сближается с зачином: *nä tiltaḡ-in udun-qa kaldi tisär* 'если спросят, почему он перешел в Удун' (СЦ V 76 15—16); *nä tägin itdi tip tisär* 'если скажут: «Каким образом он устроил?»' (СЦ V 9a 19—20); *qayo-lar ol yete tep tesär* 'если скажут: «Кто они эти семь [родов существ]?»' (Insadi 622—623); *nä ücün büdmaz tep tesär* 'если скажут: «Почему не удастся?»' (Insadi 627); *nä ücün qaḡimiz tükäl bilgä biliglig täñri täñrisi burxan bo yarliḡ-iḡ yarliḡadı ärki tep tesär* 'если скажут: «Почему же наш отец — обладающий со-

вершенным знанием бог богов Будда — провозгласил это наставление?» (Insadi 495—497).

Особое место в отношении структурной организации текста в раннесредневековой уйгурской литературе занимают синонимические сочетания. Среди поэтических приемов синонимия является одним из основных; значение любого члена предложения может быть «усилено» с помощью синонимического повтора, предполагающего совпадение некоторых семантических признаков лексем при их фонетическом различии: laŋki baliqdaqi toyin igil yügürü kälip siqtaşdi-lar yïlaşdi-lar 'священнослужители и миряне города Ло-цзинь сбежались и рыдали и стенали' (СЦ X 1066—1068); qanĭ qan bu sav išidip kök täñri taraq ulidi siqtadi. . . ög-sirädi taltı 'его отец хан, услышав эту весть, обратился [своей лик] в сторону неба и стал стенать и плакать. . . и лишился чувств' (КР LXI 3—6); köriñlär bu şaki-liĭ toyin-lar-niñ körk-süz yaviz iş-lärin küç-lärin 'взгляните на неприглядные, дурные дела этих служителей Шакья' (Insadi 305—307); sañgam itgülük yig adruq yig orun talular 'выбрав лучшее место для строительства монастыря' (СЦ V 106 13—14) и т. д.

Согласно одной из существующих точек зрения это явление в средневековом словесном искусстве имеет мировоззренческую основу и мотивируется тем, что «автор как бы колеблется выбрать одно окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу. В результате внимание читателя привлекают не оттенки и различия в значениях, а самое общее, что есть между ними. . . Авторы стремятся избежать законченных определений и характеристик. Они подыскивают слова и образы, не удовлетворяясь найденным. Они без конца подчеркивают те или иные понятия и явления, привлекают к ним внимание, создают впечатлительные невыразимой словами глубины и таинственности явления, примата духовного начала над материальным»⁹. Сходную картину мы наблюдаем в раннесредневековой уйгурской литературе, которая, как и всякое искусство, основанное на эстетике тождества, исходила из допущения, что познавать вещи значит «раскрывать систему сходств, сближающих и связывающих их между собой»¹⁰. Но вопрос о функциях синонимии как литературного приема в уйгурской литературе имеет и другой аспект. Нельзя не заметить того, что между структурной организацией раннесредневековых уйгурских художественных текстов и эпическими произведениями на тюркских языках в некотором отношении существует параллель. Для уйгурской литературы, так же как

⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Культура Руси времени Андрея Рублева и Ешифания Премудрого. М.—Л., 1962, с. 56—58.

¹⁰ М. Ф у к о. Слова и вещи, с. 89.

и для эпоса, характерна особого рода последовательность структурно упорядоченных и неупорядоченных частей, ориентированных на разные способы представления семантики в тексте. Наиболее упорядоченные части в тех и других видах текстов ориентированы на передачу метатекстового содержания, в то время как менее упорядоченные части по своему семантическому потенциалу сближаются со структурами естественного языка. Клише, кочующие из одного текста в другой¹¹, и прозаические вставки в эпосе¹² являются двумя крайними точками на шкале упорядоченности текста. Постоянное переключение внимания от организации одного порядка на другой создает необходимое напряжение, позволяющее владеть вниманием аудитории. Этой же цели в конечном итоге служат разного рода повторы. Повтор неэквивалентных с точки зрения языкового выражения, но объединенных общим семантическим признаком языковых единиц способствует концентрации внимания на общем для них семантическом признаке, благодаря чему на каждую единицу семантики отводится больше повествовательного времени. Повествование строится таким образом, чтобы ничто семантически значимое не могло ускользнуть, пройти мимо внимания слушателей. Между информативной интенцией, заключенной в семантической единице, и количеством затраченного на нее повествовательного времени устанавливается взаимобусловленность; с помощью повторов регулируется соотношение между информативной интенцией семантической единицы и количеством повествовательного времени. Повтор семантических элементов в разных вариантах, по всей

¹¹ Типическими образцами такого рода клише являются, к примеру, следующие фрагменты из эпоса:

Жетпіс үйлі Жебір бар,
Сексен үйлі Ыбыр бар,
Токсан үйлі Тобыр бар

‘Есть Жебиры о семьдесят домов,
Есть Ыбыры о восемьдесят домов,
Есть Тобыры о девяносто домов’
(Камбар батыр. Казахский эпос. Кн. 1. А.-А., 1957, с. 8).

Төрт түлігі сай болған.
Ішкөндерін сұрасаң
Шөкер менен шай болған.

‘Четырех видов (скота) у него было в достатке.
Если ты спросишь, что они пили,
То был чай с сахаром’ (Камбар батыр, с. 8).

¹² Ср.: Өзімбай аулының қасында бір көл бар еді, оған адам бендесін жібермейтін еді. . . и т. д. ‘Рядом с аулом Азимбая было озеро; ни одного человека он к нему не подпускал. . .’ (Камбар батыр, с. 12).

видимости, потому и способствует созданию впечатления «эпического спокойствия повествования»¹³, что при этом создается соответствующее распределение информации во времени.

Наличие этих черт в письменной уйгурской литературе свидетельствует о том, что она не до конца утратила связи с устной.

Раннесредневековые уйгурские литературные произведения сближаются с произведениями устного народного творчества также по характеру совмещения в них «заданного» и «творческого». При всей жесткости условий ритуала, диктуемых правилами эстетики тождества, остается участок, где свобода творчества и импровизации практически неограниченна. Таковым в уйгурских художественных текстах, так же как и в эпосе, являются способы распределения заданных элементов и подбор лексического и фразеологического материала на участках текста, имеющих относительно мягкую структуру.

Выше было отмечено, что для средневековых литератур характерно тяготение к «авторитетным» сюжетам. Этим свойством раннесредневековой уйгурской литературы в значительной мере определяется ее неоригинальный, переводный характер. Но вместе с тем сопоставление уйгурских версий текстов с их оригиналами показывает, что принципы построения уйгурских текстов относительно независимо и с точки зрения структурной организации текста уйгурская литература обладает известной самостоятельностью¹⁴. Эта независимость проявляется уже в том, что во многих произведениях, в частности таких, как «Инсади-сутра», «Алгун ярук» и др., структурно-упорядоченные части уйгурской версии часто не соответствуют таковым в тексте оригинала. Фрагменты же, имеющие в оригинале явно выраженную упорядоченную структуру, содержащие нередко прямые указания на особый способ их построения, в уйгурской версии строятся произвольно без видимых признаков организации: *šlok -ta umä sözlämiš bar : : [. . .] övkä qağıḡ ǝǝ kāk köñül tudmīš-lar-niḡ : : [. . .] sanvar-liḡ ögüz suvī-niḡ aqīni tīdular (!) : : [. . .] [buyan-liḡ gaḡ ögüz suvī äksümäsär kirikmäsär : : [. . .] sanvar-liḡ gaḡ ögüz suvī-niḡ, tīdılmaqī särilmäki bulduqmaz* 'В стихе сказано: течение потока Самвара людей, хранящих в душе чувства ярости, злобы, ненависти и мести, приостанавливается. Если Ганг-река благих деяний не приуменьшится и не замутилась, то не случится того, что Ганг-река [потока] Самвара приостановится и иссякнет' (Insadi 674—683); *šlok taqšutīn inča tip ötündi : : : kūsüş-üm ol ötüngü-lük . . yirtinčüg y(a)rrutdačıqa (!) . . iki ataḡ-liḡ-lar-ta yig qopda . . atruq ayay-qa tāgimlig-kä . . bodis(a)t(a)v-lar köni*

¹³ Р. Уэллек, О. Уоррен. Теория литературы. М., 1978, с. 193.

¹⁴ Ср.: Р. Zieme. Zur buddhistischen Stabreimdichtung der alten Uiguren. — «Acta orientalia hungaricae». Т. 29. Fasc. 2, с. 189—190.

nom-ta . . nätäg yañin yorımaq-in . . küsüş-ümin adı kötrülmiş . . taplaşay mu ärki bilmâz-m(ä)n tip 'Она так сказала в стихах: «Вопрос, с которым я обращаюсь к тому, кто освещает весь мир, к лучшему среди людей (букв.: двуногих), избранному среди всех, достойному почитания, следующий: каким образом бодхисаттвы следуют истинному закону?» Одобряет ли досточтимый мой вопрос, я не знаю' (АУ 372₁₂₋₁₈). Сопоставив приведенные отрывки из «Инсади-сутры» и сутры «Алгун ярук», квалифицируемых в самом тексте как стихотворные, с рассмотренными выше фрагментами из тех же произведений, нетрудно установить, что степень упорядоченности последних заметно выше. Поскольку упорядоченность является одним из способов семантизации текста, на основе такого рода фактов можно сделать вывод о том, что метатекстовая семантика уйгурских текстов варьируется независимо от установок, заданных в оригиналах.

* * *

Язык раннесредневековых уйгурских письменных памятников — строго нормализованный, стандартный литературный язык. Но, как и всякий литературный язык, он вариативен. Это сложная стилистическая структура, в которой каждый из стилей имеет свою целевую (функциональную) направленность и служит для выполнения определенных социальных задач. В разных типах памятников используются разные стили, обусловленные конкретной функцией текста в процессе социального общения. В зависимости от задач коммуникации видоизменяется и структура текстов. Структура деловых документов, составляющих одну из разновидностей текстов второго типа (см. выше), формируется на основе иных принципов, чем структура художественных текстов. Знакомство с документами показывает, что они построены по определенным образцам и тем не менее каждый раз являют собой вновь воссоздаваемое речевое событие, в основе которого лежит особый языковой субкод, находящийся в сложном взаимодействии с другими стилистическими разновидностями уйгурского языка. В отличие от «высокого» стиля религиозной и художественной литературы, оторванной от повседневной жизни и конкретного быта в силу своей функции, осуществляемой с помощью разработанной образно-поэтической и понятийной системы и системы литературных шаблонов и трафаретов, предметом (сюжетом) деловых документов выступают обыденные ситуации. Различие в фактической основе не могло не привести в конечном итоге к расхождению между языком деловых документов и языком «высокой» литературы. Лишь в силу существования определенного языкового расстояния, отделяющего язык документов от прочих стилей уйгурского языка, в деловом субкоде языка могли появиться семемы, нахо-

дящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции с другими вариантами этих же семем.

Существует расхождение между общеязыковым значением некоторых лексем и значением, приобретаемым ими в деловых документах: *söz* 'сообщение' вм. общеязыкового 'слово', *satıy* 'продажная цена товара' вм. 'торговля', *tilä-* 'ходатайствовать' вм. 'хотеть, желать', *asıy* 'процент (долговой)' вм. 'польза', *tüş* 'процент (долговой)' вм. 'плод, семя', *qın* 'штраф' вм. 'тягота', *iki baç* 'рулон двойного размера' вм. 'две связки' и т. п. Своеобразием этого участка уйгурского языка определяются и некоторые иные особенности его семантической структуры. Нередки случаи, когда общеязыковое значение всех элементов какого-либо языкового выражения определимо, их комбинации не образуют сочетаний со связанным, контекстно-обусловленным значением, но, несмотря на это, значение выражения в целом остается неясным. Например, в стереотипном выражении, используемом в документах о займе, *baç uoq bolsar-män*, с точки зрения общеязыкового значения все элементы в достаточной мере прозрачны, но общий смысл его оставался невыявленным до тех пор, пока не было проведено специальное исследование, в результате которого было установлено, что оно содержит некоторую дополнительную текстуально не выраженную семантику¹⁵. Феномен такого рода в языке уйгурских деловых документов не редкость, и потому, интерпретируя содержание деловых документов, невозможно обойти вопроса об этом участке семантики и способах ее выявления.

Судя по содержанию раннесредневековых уйгурских деловых документов, уйгурское право предусматривало письменную фиксацию любого рода сделок. В роли писца при составлении контракта могли выступать как третье лицо, так и один из контрагентов. При именах составителей документов нет каких-либо помет, указывающих на их принадлежность к сословию писцов или правоведов. Эти факты привлекали внимание уже на первых этапах дешифровки уйгурских деловых документов. А. фон Леккок, в частности, в связи с этим писал: «Во многих документах ясно указано, что один из участников составил документ сам. Так как мы нигде не читаем, что какой-либо правовед контролировал составление, должно быть, знание употребительных в каждом случае юридических формул было общедоступно. В сравнении с Европой примерно той же эпохи — мы говорим о времени до и после Крестовых походов — эти тюрки, таким образом, обнаруживают и здесь известное превосходство: многие ли из благородных феодалов

¹⁵ M. M o r i. A Study on Uygur Documents of Loans for Consumption. — «Memoirs of Research Department of the Toyo Bunko». № 20. 1961, с. 132—144.

Европы были в состоянии в то время по всем правилам составить подобные договоры? Среди уйгуров это мог сделать уже сельский ремесленник»¹⁶. В самом деле, судя по материалам документов, составители документов не принадлежат к какому-либо одному сословию. Среди них встречаются как титулованные особы, относящиеся к привилегированному сословию (*ädgü toyril, älgir tutuq, qiytso tutuq* и пр.), так и рядовые члены общины (*kögü, alp, töläk tämür* и т. п.). Но заслуживает внимания в данном случае не только тот факт, что среди членов этой общности был относительно высокий уровень грамотности, но в не меньшей степени — характер грамотности: рядовой член общины мог самостоятельно, без консультаций составить юридический документ, т. е. обладать достаточными знаниями, чтобы принимать участие в делопроизводстве. Это ситуация особого рода, и она возможна в обществах, для которых характерна неглубокая профессиональная дифференциация, в которых определенный круг жизненно необходимых знаний и сведений является достоянием едва ли не всех членов, что неизбежно приводит к своеобразному способу экономии языковых форм, основывающейся на сокращении способов выражения при максимальной широте вкладываемой в них информации¹⁷. Слова и выражения оказываются насыщенными значениями, выходящими за пределы их общеязыкового значения. Эти значения более конкретны, более детализованы. Они контекстуальны и «замещают» ту ситуацию, в которой они систематически используются. В вышеупомянутом выражении *bag uoq bolsaq-män*, буквально переводимом «буду я или нет», участок семантики, который остается нераскрытым при этом переводе, имеет ситуативный характер; в его основе лежит знание того, что в данном социуме поручительство за должника осуществлялось согласно принципу, предусматривающему ответственность поручителя в случае отсутствия (бегства, выезда и пр.) должника в момент выплаты долга, но не в случае его смерти¹⁸. Содержание стереотипных выражений *asıyqa aldım, tüškä aldım* также не ограничивается тем, что отражено в буквальном переводе «взял в долг под процент». Они заключают в себе дополнительное значение погашения процентов тем же самым предметом, что и предмет займа¹⁹; и эти факты не единичны. Значения, основанные на некоторых общих знаниях, которыми владеют члены данного общества, не отражены в составе текста и являются значениями конвенциональными. Вне общества, владеющего необходимыми

¹⁶ A. v. Le Coq. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. — *Túrán*. 1918, 8, с. 452.

¹⁷ См.: Джон Л. Фишер. Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе. — *Новое в лингвистике*. Вып. 7. М., 1976, с. 412—413.

¹⁸ M. Mori. A Study on Uygur Documents, с. 132—144.

¹⁹ Там же, с. 118—119.

общими знаниями, это дополнительное значение словесных формул утрачивается. Не приходится говорить о том, сколь существенно с точки зрения изучения социальных ситуаций раскрытие дополнительного конвенционального значения коррелирующих с ними речевых событий. Но когда речь идет о памятниках прошлых эпох, нередко единственным источником сведений выступают те самые речевые события, которые предстоит дешифровать. В этих случаях малопригодны методы и приемы изучения ситуативного содержания текстов, рассчитанные на то, что ситуации, коррелирующие с речевыми событиями, доступны прямому наблюдению. Отсутствие возможности прямого наблюдения побуждает к поискам иных способов получения необходимой информации. Деловые документы как речевые события строятся по схемам, мотивированному их содержанием, и с этой точки зрения структура документов информативна отчасти и в отношении тех внетекстовых ситуаций, отражением которых эти документы являются. В самом непосредственном виде связь между схемой документов и отраженной в них ситуацией проявляется в том, что документы с жесткой системой альтернатив (документы о займе, аренде, продаже) имеют «жесткую» форму. В их построении недопустима индивидуальная вариативность; вариативность в них обусловлена изменениями в самой ситуации и также жестко фиксирована. В других типах документов (письмах, записях) допускается большая свобода оформления. Между схемой документов и характером ситуации могут существовать и вторичные связи. Например, в двух разных типах документов — документах о займе и документах о продаже — пункт, содержащий мотивировку сделки, строится по единому образцу независимо от того, идет ли речь о недвижимом имуществе, скоте, рабах или мелких предметах домашнего обихода, небольших количествах сельскохозяйственных продуктов, ткани, вина и т. п. В этом пункте указывается всякий раз, что одному из контрагентов понадобилось нечто, в связи с чем совершена данная сделка. Как и в случае займа, так и в случае купли-продажи один из контрагентов выступает в роли просителя. Подобная форма взаимоотношений характерна для некоторых типов обществ, в которых акт купли-продажи и акт займа рассматриваются как проявление личных отношений²⁰. Разумеется, в этом случае нельзя не учитывать того, что элементы ритуала могут быть заимствованными из других культур. В частности, схемы деловых документов в каких-то частях являются общими для ряда центральноазиатских обществ рассматриваемой

²⁰ См.: J. H a m i l t o n. Un acte ouigour de vente de terrain provenant de Yar-Khoto. — «Turcica». Т. 1. 1969, с. 37; J. G e r n e t. La vente en Chine d'après les contrats de Touen-houang (IXe—Xe siècle). — T'P. Vol. 45. 1957, с. 325.

эпохи, что, вероятнее всего, является следствием взаимовлияния культур. Когда речь идет об элементах, заимствованных из других культур, важно установить прежде всего, остались ли они «внешними» по отношению к культуре данного общества или органично вошли в нее, приобретя статус факторов, регулирующих поведенческие нормы. В данном случае факт последовательной регистрации в документах актов купли-продажи независимо от ценности продаваемого имущества сам по себе говорит о том, что они имели в этом обществе знаковый смысл. Элементы культуры, которые хотя и проникли в какую-либо культурную среду, но не получили в ней знакового смысла, не регистрировались бы столь последовательно, так как с точки зрения отношений, имеющих место в данном социуме, они несущественны. Исходя из этого, можно предполагать, что сходство схемы документов в данном случае отразило сходство социального контекста.

Рассмотренные факты показывают, что структурная организация деловых документов также ориентирована на аккумуляцию некоторой семантики, не выраженной текстуально, но эта семантика имеет иную природу, чем метатекстовая семантика художественных текстов, созданных в том же обществе; соответственно различаются и способы ее реализации в структуре текста.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- AY — *Suvarṇaprabhāsa* (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. СПб.—Пр., 1913—1917 (*Bibliotheca Buddhica*. 17. Вып. 1—8).
- Erntesegeṅ — P. Zieme. *Ein uigurischer Erntesegeṅ*. — *Altorientalische Forschungen*. III. Schr. Or., 1975.
- Insadi — Semih Tezsan. *Das uigurische Insadi-Sūtra*. — *Berliner Turfantexte*. III. Schr. Or., 1974.
- КР — J. R. Hamilton. *Le conte bouddhique du Bon et du Mauvais prince en version ouigoure*. P., 1971.
- Mañjuśrī — G. Kara, P. Zieme. *Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Paṇḍita und der Mañjuśrīnāmasaṅgīti*. — *Berliner Turfantexte*. VIII. Schr. Or., 1977.
- Schr. Or. — *Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients*. B.
- ТТ II — W. Bang und A. von Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. II. *Manichaica*. — SPAW Berl. 1929, 22, с. 411—429.
- ТТ VI — W. Bang, A. von Gabain, G. R. Rachmati. *Türkische Turfantexte*. VI. — SPAW Berl. 1934, 10, с. 92—192.
- СЦ V — Л. Ю. Тугушева. *Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана*. М., 1980.
- СЦ VI — Неопубликованные фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР.
- СЦ VII — A. von Gabain. *Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie*. — SPAW Berl. 1938, 29, с. 371—415.
- СЦ X — Semih Tezsan. *Eski uygurca Hsüan Tsang biyografisi*. X *bö-lüm*. Ankara, 1975.
- Ярлык — Л. Ю. Тугушева. *Ярлык уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР*. — ТС-1971. М., 1972, с. 244—260.